

## Глава 1

### *Бункер. День возвращения.*

*Вадим*



риша, ну что?!

— Хорошего — ничего, — бункерный врач Григорий Алексеевич, коллегами величаемый то Грегором, то доктором Хаусом, выбрался в коридор и закурил. — За Германом отправили пацана?

— Да. Сразу, как стемнело, поскакал.

— И то ладно. Может, хоть ему эта ненормальная что-то объяснит. Я лично ничего не понимаю.

«Ненормальной» вполне заслуженно Григорий называл девушку-адаптку.

\* \* \*

Сталкер, едва войдя в бункерную клинику и поймав мутным взглядом Вадима, кивнул ему на заляпанный грязью рюкзак — приволок в стерильное помещение, несмотря на протесты, — и процедил:

— Там — ящик. Железный. Бункерный сказал тебе отдать.

Посмотрел, как его спутники укладывают Кирилла на операционный стол. Опершись о спинку смотровой кушетки, попытался ещё что-то сказать, но не сумел. Побледнел и начал падать.

Девушка-адаптка одним прыжком подскочила к нему, взвалила на кушетку. Сунула одну руку Сталкеру за пазуху, другую положила на лоб. Замерев, подержала так ладони и болезненно скривилась. Раздёрнула на груди молнию комбинезона. Извлекла из-под одежды, размотав салфетку, наполненный шприц, стащила со Сталкера куртку и ввела ему какой-то мутный раствор. После чего устремилась к Кириллу. Решительно оттолкнула Григория.

— Не смей! Что ты делаешь?! — это выкрикнули одновременно и врач, осматривающий Кирилла, и облдевший Вадим.

— Что надо. Отвали.

Говорила адаптка так же, как Сталкер, — резко и отрывисто. Взяла Кирюшу за руку.

— Ненормальная! Дай сюда!

Григорий попытался помешать и в то же мгновение оказался на полу. Никто не успел понять — как. Свободной от шприца рукой адаптка выхватила из кобуры пистолет.

— Дёрнешься — выстрелю, — пообещала она Григорию. — А ну все — пять шагов назад! — Гневно горящие на тёмном лице глаза обвели собравшихся по очереди.

Медсестра Светлана Борисовна взвизгнула и схватилась за сердце. Григорий, невнятным шипением задавив ругательство, положил руку ей на плечо.

С места не тронулся никто. Происходящее было настолько странно, что всерьёз не воспринималось.

— Успокойся! — Вадим протянул руку к шприцу. — Отдай!

Вместо ответа адаптка выстрелила. Пуля разбила кафельную плитку — осколки так и брызнули — в сантиметре от ноги Вадима.

— Не лезь! Пять шагов назад. Кому сказала?! — девушка направила пистолет Вадиму в голову.

Теперь они поверили. Попятились к двери.

— Сели на пол! Быстро!

Люди начали садиться. Вадим замешкался, и в стену над головой вонзилась вторая пуля. На пол он почти упал.

— Сидеть смирно! — распорядилась адаптка.

И, не сводя с собравшихся настороженных глаз, ввела препарат Кириллу. «Даже иглу в шприце не поменяла», — ёкнуло сердце у Вадима. После этого положила руки на лоб и грудь Кирилла и замерла — так же, как возле Сталкера.

Чем дольше Вадим смотрел на Кирилла, тем отчётливее понимал — нет ничего странного в том, что бункерные жители не признали своего любимца. У мальчика страшно, по-адаптски потемнела кожа.

Адаптка, подержав ладони на его груди и лбу, с облегчением выдохнула. Отошла от стола и села на кушетку рядом со Сталкером. Освободилась от комбинезона. Стащила куртку и всё той же иглой ввела препарат себе. По-прежнему не сводя глаз с наблюдателей.

Выдернула шприц — Вадим успел заметить, что содержимое в нём ещё осталось, — бережно завернула обратно в салфетку. Вытащила из горловины футболки подобие кошелька, убрала шприц в кошелёк, а кошелёк — назад под футболку.

— Вставайте, — разрешила она.

И бессильно привалилась к стене.

\* \* \*

— Так что с Кирюшей?

— Говорю же, не понимаю, — Григорий выдохнул плотную струю дыма.

Как многие люди, стоящие на страже здоровья, он был заядлым курильщиком. Эта странная особенность

поражала Вадима до глубины души, объяснить себе её логику он, как ни старался, не мог.

— У Кирюши два огнестрельных ранения. Тяжёлые, но не смертельные, и я бы сказал, что повезло парню, — если бы не ожоги. Площадь поражения такая, что диву даюсь, как он жив до сих пор! Давным-давно должен был умереть, извини за прямоту. Температура выше сорока, хоть прикуривай. С такой температурой не живут! И с такими ожогами тоже. У него печень должна была отказать как минимум сутки назад. Кровь должна была свернуться, как снятое молоко! А он всё ещё жив. И двое других живы.

— А что с другими? — машинально спросил Вадим. Он переваривал услышанное.

Потерявшим сознание Сталкером занимались Оля и прибежавшая на помощь Светлана Борисовна. Адаптка проглотила жаропонижающий порошок и глюкозу, не запивая водой: «Я сгорела, мне нельзя». Пистолета из рук так и не выпустила — хотя, казалось, от лекарств и усталости впала в забытье. Но когда Вадим осторожно потянул за шнурок на шее — нужно ведь было узнать, что в шприце! — в висок ему упёрся холодный ствол.

— Пошёл...! — отчётливо произнесла адаптка. — Копыта уברי.

Шнурок пришлось выпустить. А девушка, убедившись, что Вадим отошёл, снова закрыла глаза.

— С другими то же самое. Ожоги и температура бешеная, как только эта чокнутая до сих пор в сознании?.. А у Сталкера сепсис начался, причём давно — не знаю уж, каким чудом парень держался. У него бедро разрублено.

— Что?!

Григорий вздохнул. Попросил:

— Только не думай, пожалуйста, что я тоже с ума сошёл! Я, конечно, к помешательству близок — после всего, что сегодня увидел, но рубленую рану опреде-

лить пока ещё в состоянии... Тесаком рубанули, а может, топором. От души, до самой кости.

— Когда... — Вадим сглотнул. — Когда всё это... произошло?

— Трое-четверо суток назад. Не меньше.

— Сколько?!

— Я тоже сам себе не поверил. Спросил у девчонки, но она на вопросы плохо реагирует. Успокоительное не воткнуть, не подпускает. В пистолет вцепилась намертво... Скорей бы уж Герман приехал.

Герман появился через час.

Сидевший в коридоре у дверей клиники Вадим ещё издали услышал стремительные шаги. Перемещаться по Бункеру с такой скоростью не умел никто, кроме командира адаптов.

Вадим вскочил.

— Герман!

Тот будто не заметил, пролетел мимо.

Дёрнул на себя дверь. Метнулся к кушетке, на которой лежал Сталкер.

— Живой?!

Схватил парня за руку, щупая пульс. Выдохнул, метнулся к девчонке.

— Лара!

— Герман...

Из глаз адаптки хлынули слёзы. Она протягивала к Герману руку — ту, в которой не было пистолета.

— Дай сюда, дуручка, — Герман забрал у неё оружие, положил на пол. Осторожно обнял девушку. — Сгорела?

— Да... Мы все сгорели...

Это было последнее, что расслышал Вадим. Остальное адаптка, то и дело всхлипывая, сбивчивой скороговоркой бормотала Герману на ухо. Сейчас её голос был совсем не похож на тот хрип, которым два часа назад

отдавались команды. А Герман гладил девушку по голове, понимающе кивал, восхищённо переспрашивал...

— Командир, — Григорий тронул его за плечо. — Здесь реанимация, вы мешаете. Девчонку надо увести.

Герман кивнул.

— Что со Сталкером?

— Рубленая рана. Но выживет, несомненно, он меньше Кирюши пострадал.

Похоже было, что о Кирилле Герман вспомнил только сейчас. Перевёл на парня взгляд.

— А с ним что?

— Ранен. И обгорел серьёзно.

— Ясно... Окей, уходим. — Герман поднял адаптку за руки, та беспокойно оглянулась на друзей. — Тут без тебя разберутся. Не дёргайся.

Девушка снова взволнованно зашептала.

— Так! Ты мне сперва сама очухайся. На ногах еле держишься... Идём.

Обняв адаптку, Герман повёл её к двери. Заметил всажённую в стену пулю, ковырнул пальцем. Покосясь на разбитую плитку. Хмуро буркнул:

— Извиняемся... Понервничала девка. Скажу своим, чтобы порядок навели.

Он двинулся по коридору.

Вадим пошёл следом. Саркастически передразнил:

— «Извиняемся»? «Понервничала»? И это всё, что ты можешь сказать? А если бы твоя подопечная на нервной почве застрелила кого-нибудь?

— Её зовут Лара... Не застрелила бы.

В палате Герман бережно усадил девушку на кровать, прислонил к своему плечу. Адаптка уже будто спала на ходу — еле шевелилась, подчиняясь движениям командира.

— Пугала вас просто, чтобы под ногами не путались.

— А по-человечески попросить не могла?

— А ты бы слушать стал? — Герман поднял на Вадима лицо. Выглядел он неважно — осунулся, под глазами темнели круги. — Уж мне-то сказки не рассказывай! Ты бы ей к вашему пацану и подойти не дал.

— Она могла объяснить...

— Времени не было объяснять. И сил не было.

Герман, осторожно уложив девушку, расстегнул её ремень с пистолетной кобурой. Адаптка не шелохнулась, хотя Вадим был уверен, что коснись кобуры он или Григорий, уже валялись бы на полу.

Герман снял с шеи девушки кошелёк, протянул Вадиму:

— На.

— Что это? — Вадим, брезгливо поморщившись, вытащил из пропотевшего свёртка шприц с остатками мутно-голубого раствора.

— Я так понимаю, то, за чем ходили. — Герман озираясь по сторонам. — Ларку отбереть надо... Полотенце дадите, какое не жалко?

Вадим едва не подпрыгнул.

— Что значит — «за чем ходили»?! Ты хочешь сказать, что где-то уже изобрели вакцину? И в шприце — именно она?!

Герман пожал плечами.

— В шприце — то, от чего пацан ваш жив. Ларка очухается — получше объяснит, она всё про прививку какую-то бормочет. Я не больно вкурил... Так чё, полотенце-то?

Светлана Борисовна вытащила из шкафчика стопку одноразовых пелёнок.

— Вот, держи. Тебе помочь?

— Обойдусь. Спасибо.

Герман смочил пелёнку под краном. Засучил на адаптке брючину, снял с лодыжки ножны. Расстегнул ремень девушки. Бросил Вадиму:

— Так и будешь пялиться?

— Извини, — спохватился Вадим.

Отвернулся.

Герман хмыкнул.

— Ну да... Адаптка ведь! Обезьяна почти.

— Я так никогда не говорил!

— Ты и сейчас не говоришь.

Судя по звукам, Герман освобождал питомицу от одежды. Вадим недоумённо разглядывал шприц.

— Где они это взяли?

— Ларка говорит, сама приготовила. Из какого-то порошка.

Герман подошёл к крану, прополоскал пелёнку. Тёмные от ожогов руки, размером и твёрдостью напоминающие экскаваторные ковши, орудовали на удивление искусно.

— Что за порошок?

Отвечать Герман не спешил. Долго полоскал пелёнку, потом отжимал. Закрутил кран. Не глядя на Вадима, проговорил:

— Знаешь, Вадик, чем ты от Евгеньича отличаешься? И от Гриши?

Вадим слегка опешил — хотя, разумеется, знал. Сравнение с Сергеем Евгеньевичем, давно отошедшим от науки, занимавшимся в основном административными вопросами, и тем более Грегором — топорным ремесленником, на научные изыскания никогда не претендовавшим, он уверенно проводил в свою пользу. Но услышать такой вопрос от Германа было странно.

— Чем же?

— Тем, что они сперва о людях думают. А уж потом о порошках, — Герман повернулся к Вадиму, уставился на него светлыми, почти как у адаптов, глазами. Вадим вздрогнул — понял вдруг, что командир адаптов



еле сдерживает злость. — Ларка тут у вас уж сколько часов валяется — а ты её ни как звать не спросил, ни что с остальными! Реактивы ему достань, а там хоть сдохни... Красавец.

### **Бункер. День возвращения. Григорий**

Герман задержался в Бункере ненадолго. Дождался, пока Григорий поставит Сталкеру дренаж, посидел возле кровати.

Хмуро спросил:

— Ногу-то парню не отхряпаешь?

Вопрос попал в точку. Ставить диагнозы командир, изрядно за эти годы поднаторевший на ранениях, умел не хуже Григория.

Врач неопределённо развёл руками. Рана сильно воспалена, надежды на антибиотики мало. Ногу, скорее всего, придётся отнять.

Герман всё прочитал по его лицу. Болезненно нахмурился. Что-то пробормотал и постучал, отвернувшись, по деревянной спинке стула. Поднялся.

— Ладно... Мне ехать надо, дел полно. Ларке не мешай, окей?.. Девчонка отлично знает, что делает. И не спрашивай откуда! Знает — и всё. Ваде на опыты её не отдам, а то насмерть заисследует. Пусть колет и себя, и пацана вашего — столько, сколько надо. Хуже не сделает, обещаю. А тому, кто под руку суется, может.

— Верю, — Григорий покосился на разбитую пулей плитку.

Герман проследил за его взглядом.

— Это мои залатают, — пообещал он. — А что Ларка такой шухер устроила, извиняй. Перепугала вас...

Григорий обиделся:

— Сдурел, что ли? Это она Вадима с тётками перепугала, а я военврач всё-таки. Угрозу жизни от бабской истерики отличу как-нибудь.

— В натуре не сердишься?

Григорий припомнил армейский лексикон и предельно доступно рассказал, что он думает о вопросах Германа, о нём самом и его ближайших родственниках.

Герман, ухмыляясь, поднял руки:

— Убедил, сдаюсь... Ладно. Будь здоров, эскулап. Евгеньичу — привет. — Оглянулся на Сталкера. Пробормотал: — А вот увидишь — ни фи́га ему не будет! Оклемается. — И стиснув пальцы Григория так, что тот крикнул, вышел в коридор.

— Шелдон! — повелительно раздалось оттуда. — Рон! Выдвигаемся.

Только потом, отвечая на расспросы Кирилла, Григорий обнаружил, что понятия не имеет, в каком направлении Герман «выдвигался».

\* \* \*

Проснувшаяся наконец-то — проспала она больше суток — Лара, узнав, что Герман ушёл, ни о чём больше не спрашивала. Просто кивнула.

Вылезла из кровати и с неудовольствием оглядела свой наряд — конфузливая Светлана Борисовна, то и дело с опаской вздрагивая, ухитрилась-таки натянуть на пациентку пижаму.

Устремилась к Кириллу. Знакомым уже жестом положила ладони ему на лоб и грудь. Подождав, оглянулась на Григория.

— Сколько я провалялась? — Голос звучал хрипло, адаптка закашлялась.

— Сутки.

Лара кивнула.

— Бункерного уколоть надо. Где шприц?

Григорий вытащил из холодильника достопамятный шприц. После категоричных разъяснений Германа забирать препарат Вадим не рискнул. Капнул немного на лабораторное стёклышко и, подхватив контейнер с реактивами и тетради с записями Кирюши, умчался к себе, исследовать.

Адаптка молча, как должное приняла лекарство. Ввела Кириллу. Подождала. Удовлетворённо кивнув, перешла к Сталкеру. Положила ладонь рядом с раной — Светлана Борисовна охнула.

— Антибиотик давал?

— Разумеется.

— Какой, покажи.

Григорий, заранее решивший ничему не удивляться, продемонстрировал ампулу из-под препарата. Адаптка посмотрела удивлённо:

— На фиг мне пустышка? Полная нужна.

Григорий, пожав плечами, вытащил из коробки новую ампулу. Лара умело отломил кончик. Вытряхнула каплю на ладонь. Лизнула... Замерла.

Выглядело происходящее почти колдовством. Григорий поймал себя на том, что ждёт магических пассов и напевных заклинаний, но ничего подобного адаптка не сделала.

— Нормально, — решила она. Вернула ампулу. — Спрячь пока на холод. К утру ещё вколем.

— К утру, — сухо объявил Григорий, — самое позднее — завтра вечером я собираюсь его прооперировать. У твоего друга начинается гангрена. С такими вещами тянуть нельзя.

Парня было жаль. Но все шесть лет в Академии и ещё два года в ординатуре Григория учили, что живой человек без конечности однозначно предпочтительнее, чем полностью укомплектованный мертвец.

«Вы не представляете, как люди любят жить, — рассказывал им, тогда ещё желторотым курсантам, читавший хирургию профессор. — И наша задача — сохранить им эту жизнь. Без рук, без ног, без глаз или ушей — неважно! Пациент должен выжить. А как уж дальше он распорядится этой жизнью, не наше с вами дело».

И мысли Григория сейчас были только об одном: у кого из персонала хватит стойкости ассистировать при операции. Ни Оле, ни Светлане Борисовне наблюдать за отпиливанием конечностей до сих пор не приходилось.

Лара слову «прооперировать» не ужаснулась — возможно, просто не поняла, о чём речь. Она деловито рассматривала ногу Сталкера, дренаж и отводящую трубку. Спокойно, как с равным, с Григорием согласилась:

— Да, это можно — дохлое убрать... Я помогу, если надо. Я в Нижнем в больнице работала, тётя Ася хвалила! А вообще нормально заживает.

Григорий нахмурился. Подошёл к Сталкеру, собираясь показать адаптке, как выглядят «нормальные» ткани, а как — «дохлые». И объяснить, чем опасно омертвление. Но, подойдя, заготовленной речью подавился. Рана Сталкера выглядела в точности как утром, страшной черноты по краям и миллиметром не прибавилось.

— Спасибо тебе, доктор, — поднимая на Григория глаза, серьёзно проговорила Лара.

Хуже Рэду не стало ни к утру, ни на следующий вечер. Могучий, не избалованный лекарствами организм воспринял антибиотик с удивительной благодарностью, ни у кого из прошлых пациентов Григорий подобного не наблюдал. Рана очищалась на глазах. Температура спадала. На третье утро Сталкер пришёл в сознание.

Лара восприняла это как должное — не сомневалась, видимо, что так и будет. Гораздо больше адаптку беспокоил Кирилл.

К нему она подходила часто. Подолгу держала ладони на груди и лбу и то, покачивая головой, отходила, то принималась копаться в «аптечке» — тканевом сундучке, набитом, помимо обычных лекарств, подозрительного вида пузырьками. Потребовала забрать у Вадима обнаруженную в контейнере пробирку с темным порошком. Вадим не хотел отдавать, стоял насмерть, и пришлось пригрозить бунтом адаптки.

Заполучив пробирку, Лара вытряхнула из неё в ампулу несколько крупинок. Накапала туда же воды. Смесь зашипела, над ампулой вскипел и испарился густой, белого цвета газ — адаптка заранее отвела руку, видимо, предстоящая реакция была ей хорошо знакома. Несколько раз, с промежутками встряхивала — до тех пор пока раствор не приобрёл мутно-голубой оттенок. Капнула на ладонь. Лизнула. Замерла.

Адаптка не нуждалась в аптекарских весах и сложных приборах. Она сама в себе была уникальным лабораторным комплексом. Не имея представления даже об элементарной химии, отлично знала, какое лекарство нужно больному. Какая концентрация лечящего вещества, и в какой момент обозначенное вещество следует вводить...

Это было абсолютно необъяснимо. Но это было так.

«Слава богу, что я не учёный! — думал Григорий. — Как хорошо, что обыкновенный военврач».

## Глава 2

### *Бункер. 2 дня после возвращения. Григорий*

Слухи о том, что услуги выпускников военно-медицинской Академии востребованы в таких местах, как Институт, среди курсантов ходили. Но для себя Григорий такой судьбы не предполагал — был уверен, что